

УДК 572.9

Д. М. Гайнутдинов

Центр этнологического мониторинга Института истории АН РТ
ул. Кремлевская, 10/15, Казань, 420503, Россия
E-mail: ibnmunir@mail.ru

ПРОЦЕСС ИЗУЧЕНИЯ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье рассмотрены особенности антропологических исследований в имперской России и их применение в отношении татар. Эти исследования оказались более сложными и имели свою специфику в отличие от изучения финно-угорских народов. Центрами антропологического изучения татар становятся Казанский университет, ряд его Обществ и особенно земства.

Ключевые слова: антропология, этнография, раса, татары, финно-угорские народы, Казанский университет, Общество археологии, истории и этнографии, Общество естествоиспытателей, Волго-Уральский регион, земские медики.

После реформ 1860-х гг. Россия пережила чрезвычайно динамичный позднимперский период, который, сохраняя пережитки имперской архаики, постоянно вырабатывал новые формы политической, общественной и культурной жизни. Страна отвечала во многом на те же самые вызовы, на которые реагировали европейские общества. Более того, образованные россияне отождествляли определенные ситуации как проблемные, поскольку воспринимали себя в общеевропейском контексте, интериоризировали европейский опыт и поэтому находили в России те же проблемы, что и на Западе. Интеллектуальная элита России не могла не заметить и не отреагировать на появление «расы» как категории научного и политического языка. Тем более что, как на западе, в России основой для становления новой научной теории являлся кризис классической европейской гуманистической традиции [Могильнер, 2008. С. 9]

Во второй половине XIX в. все больше становится популярным создание Обществ, которые представляли собой научные и социальные институты лиц, любящих знания и пытающихся их распространять в обществе. Создавались такие общества в основном на базе университетов. Можно сказать, что антропология должна была стать популярной

в Волго-Уральском регионе. Здесь находился Казанский университет, являвшийся важнейшим научным институтом, первым центром востоковедения в России [Мазитова, 1972; Валеев, 1998], где проводились и лингвистические и этнографические описания региона. Университет воплощал культурную и политическую функцию Казани как «окна на Восток» [Geraci, 2001].

В 1878 г. при Казанском университете было основано Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), идея о создании которого была высказана на 4-м археологическом съезде, проходившем в Казани в 1877 г. Общество создавалось на основе предложения, сформулированного попечителем Казанского учебного округа П. Р. Шестаковым [Об учреждении..., 1878]. Так как стремления основной массы общественности совпадали с потребностями власти, оно формировалось усилиями энтузиастов как из университетской среды, так и из среды местной общественности, к которой принадлежали и представители нерусского, прежде всего татарского, населения (так, в работе ОАИЭ принимали участие Ш. Марджани, К. Насыйри, Г. Ахмаров). Методы изучения края предполагались весьма традиционные. В уставе Общества речь шла об «...изучении прошедшего и настоящего

русского и инородческого населения в территории бывших Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского Царств с прилежащими к ней местностями». Нужно отметить, что речь шла об изучении «археологическом, историческом и этнографическом» [Заседание..., 1877].

На заседаниях ОАИЭ делались доклады по археологии края, этнографии чувашей, мордвы, вотяков, казанских татар и иных народов. Общество организовывало этнографические и археологические экспедиции. Был создан свой музей, который задумывался как общедоступный просветительский центр региона, «богатого археологическими памятниками, историческими воспоминаниями и этнографическими особенностями» [Назипова, 2004. С. 224]. Однако, несмотря на наличие значительной и разнообразной коллекции, собранной в различных экспедициях, музей в полной мере не состоялся. Наиболее полно выставлялась его археологическая часть, а этнографические материалы за неимением помещений для их экспонирования и хранения передавались университетскому Музею отечествоведения [Там же. С. 223–231]. ОАИЭ выпускало «Известия», которые практически на всем протяжении своего существования сохраняли иммунитет против использования категории «расы» и методов физической антропологии [Могильнер, 2008. С. 86].

ОАИЭ при Казанском университете занималось изучением позитивного опыта влияния русской культурной, религиозной и административной колонизации, что никак не принижало ценности разнообразных исторических проявлений многокультурности региона. При этом миссия Общества формулировалась не в связи с прогрессом науки и необходимостью модернизации образовательного процесса в университете в частности, а как реализация исследовательской программы познания регионов России. В качестве основных потребителей этих знаний рассматривались имперские власти, которые все еще обсуждали «местные нужды... под влиянием одних только общегосударственных соображений» [О задачах..., 1884. С. 1]. Общество формулировало свои задачи в регионе следующим образом: «...возникает целый ряд исторических вопросов по отношению к этой области, столь важных для русской истории вообще — о русской колонизации, о просвещении ино-

родцев, о влиянии Русских на инородцев и, наоборот, об особенностях управления в этом инородческом крае, о сопротивлении русскому владычеству и недовольстве инородцев...» [Там же. С. 8].

Однако в глаза бросается очень интересный факт. В ОАИЭ мало уделялось внимания изучению татар по сравнению с другими инородцами региона, такими как чуваша, мордва, марийцы (вотяки), удмурты (черемисы). Так, например, один из наиболее активных членов ОАИЭ профессор-историк И. Н. Смирнов, редактор Известий общества, специализировался на изучении инородцев финно-угорского происхождения. Именно И. Н. Смирнов составил «Программу для собирания сведений об обрусении инородцев Восточной России» [Смирнов, 1892]. Вообще для него этнография была историей русификации этнических меньшинств. Это и являлось причиной игнорирования И. Н. Смирновым и его коллегами татар, которые не воспринимались как потенциальные объекты полной культурной ассимиляции и даже вели собственную миссионерскую и образовательную деятельность среди финно-угорских народов [Geraci, 2001. P. 176–177]. Таким образом, И. Н. Смирнов и другие члены ОАИЭ работали в основном в рамках этнографии (однако обходили стороной изучение татар) и вообще не интересовались «физическим типом» изучаемого населения.

Антропология же стала развиваться в другом институте, тоже образовавшемся при Казанском университете. Им стало возникшее уже в 1869 г. Общество естествоиспытателей (ОЕ), изучавшее Волго-Уральский регион «в естественно-историческом отношении»: 12 мая 1869 г. по старому стилю декан физико-математического факультета И. А. Больцани открыл первое заседание Общества. Члены этого общества сотрудничали больше с Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, нежели с ОАИЭ. Это дисциплинарное размежевание, перенесенное из университетской иерархии в систему научных обществ, тем более любопытно, что в Казанском Обществе естествоиспытателей сотрудничали разные антропологи, некоторые из них в значительной степени ориентировались на археологию и этнографию, да и будущие основатели ОАИЭ вышли из недр Общества естество-

испытателей. Видимо, при общности интересов и даже при взаимодополняемости методов линия размежевания проходила на уровне эпистемологическом (антропологическая парадигма *versus* традиционная этнографическая / историческая парадигма) и идеологическом (идеология универсального знания как самоценности *versus* идеология цивилизаторской миссии русских и совершенствование государственного управления и местного самоуправления). Именно поэтому разделение физической антропологии и этнографии в Казани сохранялось, даже несмотря на личные контакты между профессорами и сотрудничество обществ в деле проведения выставок и пополнения музеев, не говоря уже об общем интересе к археологическим раскопкам и изучению населения региона [Могильнер, 2008. С. 93]. Свои исследования члены Общества естествоиспытателей печатали в издании – Трудах Общества естествоиспытателей.

Нужно отметить, что антропологические исследования проводились в двух направлениях: это изучение трупов и костных останков и изучение непосредственно живых людей. Спустя несколько дней после открытия ОЕ, профессор кафедры физиологической анатомии П. Ф. Лесгафт (1837–1909 гг.) приглашенный в Казань в 1868 г., заявил: «Восточная Россия и Западная Сибирь, заселенная различными племенами монгольского, финского и славянского происхождения, есть, одна из наиболее богатых материалами местностей для антропологических исследований, представляющая чрезвычайно важный интерес для современной науки о человеке, почему он желал бы собрать коллекцию человеческих черепов и других частей тела... для составления Антропологического музея Общества» [Хомяков, 1914а. С. 3–4].

Тогда же П. Ф. Лесгафт просил разрешить исследовать на месте черепа в склепе памятника, поставленного в память о покорении Казани, а также оставлять для коллекции музея черепа и другие части трупов безродных татар при судебных вскрытиях. Тринадцатого сентября 1869 г. (по старому стилю) он продемонстрировал собранную им коллекцию татарских черепов, нескольких скелетов татар и череп из могилы в с. Болгары Спасского уезда. Постепенно ОЕ стало переходить на исследования и обмеры живых инородцев путем организации экспе-

диций в уезды Казанской, Пермской, Вятской губерний. Но и в данных исследованиях больше внимания уделялось финно-угорским народам (вотякам, черемисам, мордве, пермякам, вогулам и др.).

К членам ОЕ, активно привлекавшим данные археологии и этнографии, относился, например, Н. М. Малиев, доцент кафедры физиологической анатомии Казанского университета. Он проработал в Казани 19 лет, пока в 1888 г. не перешел в Томский университет. Важным является то, что Н. М. Малиев стал применять сравнительную антропологию, приводя антропометрические данные различных этносов региона [Малиев, 1874]. Через свои исследования он, например, пришел к выводу, что бесермяне происходят из татар, башкиры близки к татарам, особенно степные, а лесные башкиры более близки в среднеазиатским народам [Хомяков, 1914а. С. 12, 16].

В процесс антропологического изучения татар стали подключаться и московские ученые. Так, в 1876 г. была опубликована работа члена Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии З. Ю. Зографа «Антропологический очерк мещеряков Зауральской части Пермской губернии». Автор указывает «на нечистоту крови и особую плодовитость» среди мещеряков [Зограф, 1876. С. 10]. В 1879 г. вышла работа В. Н. Бензенгера по соматологии татар, в которой дается описание физического облика касимовских татар [Бензенгер, 1879].

Однако работы по непосредственному изучению татар стали появляться в начале XX в. М. М. Хомяков, например, указывал, что татары мало изучены, несмотря на то, что они – «ключ для многих загадок в антропологии» [Хомяков, 1914б. С. 2]. Так, в 1904 г. вышла в свет работа казанского земского врача А. А. Сухарева «Казанские татары. Опыт этнографического и медико-антропологического исследования». А. А. Сухарев в этой работе как исследователь и земский врач, отдавший досуг изучению казанских татар, указывая на малоизученность татар и в историческом, и в этнографическом, и антропологическом отношениях, дает много интересной информации в разных сферах. Например, указывает на то, что мишари, касимовские и темниковские татары (Тамбовская губерния) называют себя «казанскими», только вот коренные

казанские татары считают их изменниками и поэтому их отделяют, мишар называют «ярим урыс» (полурусские) [Сухарев, 1904. С. 6].

В этом же году в Русском антропологическом журнале была опубликована работа видного российского антрополога поляка Ю. Д. Талько-Гринцевича (1850–1936 гг.) «Антропологический очерк поволжских инородцев. Казанские татары». Автор был врачом по профессии. После 14-летней врачебной практики на Киевщине он 16 лет служил окружным врачом в Троицкосавске (ныне Кяхта, Бурятия). В 1908 г. уехал в Польшу и занял должность профессора антропологии Ягеллонского университета. Свое исследование он построил на обследовании 70 солдат из числа казанских татар, квартировавших в 1891 г. в Киеве. После анализа антропометрических данных он приходит к мнению, что казанские татары являются помесью всех типов [Талько-Гринцевич, 1904]. Более частной проблеме – пигментации татар Лаишевского уезда, посвящена статья М. Никольского «Цвет волос и глаз у татар Лаишевского уезда Казанской губернии по таблицам Фишера и Мартина» [1912].

Таким образом, изучение татар в антропологическом направлении было начато П. Ф. Лесгафтом в «Обществе естествоиспытателей». Н. М. Малиев стал сравнивать антропологические данные татар с другими народами, на основе которых сделал некоторые выводы: бесермяне близки к татарам, башкиры, в особенности луговые родственны татарам. Однако сложность типологии татар, с одной стороны, их нежелание обследоваться – с другой, затрудняли осмотр. И поэтому многим членам «Общества естествоиспытателей» приходилось исследовать, прежде всего, финно-угорские народы.

В результате подробным антропологическим исследованием татар начинают заниматься земские медики (причем три работы являются диссертациями на степень доктора медицины). Вероятно, к этому их подтолкнула именно малоизученность татар, а они, ввиду своей профессии, имели доступ к их обследованию. Однако и у них возникали трудности: Ю. Д. Талько-Гринцевич указывает на стеснительность татар, а, например, И. Благовидов на то, что женщины у татар вообще к врачам не обращаются, и поэтому предлагает для мусульманок вводить в зем-

ства врачей-женщин [Благовидов, 1886. С. 15].

Главным выводом антропологических обследований конца XIX – начала XX в. явилось положение о смешанности татар в расовом отношении.

Список литературы

Бензенгер В. Н. Антропологический очерк касимовских татар // Изв. ИОЛЕАиЭ при ИМУ. М., 1879. Т. 35. С. 160–167.

Благовидов И. Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губ. Буинского уезда (чуваш, мордвы и татар). СПб., 1886. 105 с., приложение.

Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е годы XX в.). Казань, 1998. 380 с.

Заседание по поводу учреждения ОАиЭ (23. 12. 1877), с текстом устава. НАРТ. Ф. 977. Совет. Д. 6280. Л. 666–676.

Зограф Н. Ю. Антропологический очерк мешеряков Зауральской части Пермской губернии. Из протоколов заседаний комитета по устройству антропологической выставки Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1876. 16 с.

Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). Казань, 1972. 225 с.

Малиев Н. К учению о строении черепа и к сравнительной анатомии рас. Материалы для антропологии Восточного края России. Казань, 1874. 43 с., примечания.

Могильнер М. Homo imperii: История физической антропологии в России. М., 2008. 512 с.

Назипова Г. Р. Университет и музей: исторический опыт губернской Казани. Казань, 2004. 396 с.

Никольский М. Н. Цвет волос и глаз у татар Лаишевского уезда Казанской губернии. Казань, 1912. 95 с.

Об учреждении Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 13319. 1878. 10 л.

О задачах и деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии обществу со стороны жителей местного края. Речь товарища председателя общества О. М. Шпилевского

// Изв. ОАИЭ при Императорском Казанском университете. Казань, 1884. Т. 3: 1880–1882. С. 1–32.

Смирнов И. Программа для собирания сведений об обрусении инородцев Восточной России // Изв. Казанского общества археологии, истории и этнографии. 1892. Т. 10, вып. 5. С. 548–551.

Сухарев А. А. Казанские татары. Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. 178 с., табл.

Талько-Гринцевич Ю. Д. Заметки по антропологии волжских инородцев. Казанские татары // Русский антропологический журнал. 1904. № 1, 2. С. 160–180.

Хомяков М. М. Антропология в Казани за 43 года // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1914а. Т. 46, вып. 6. 28 с.

Хомяков М. М. К вопросу об антропологическом типе татар // Приложение к протоколам заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1914б. 8 с.

Geraci R. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, 2001. 389 p.

Материал поступил в редколлегию 03.10.2009

D. M. Gaynutdinov

**THE PROCESS OF STUDYING THE TATARS IN LATE XIX AND EARLY XX CENTURIES:
AN ANTHROPOLOGICAL APPROACH**

The article describes the features of anthropological research in imperial Russia, and their relation to the Tatars. Anthropological research of Tatars was more complicated, and had its own specificity, in contrast to the study of Finno-Ugric peoples. Kazan University, a number of its societies, especially zemstvos, became the center for anthropological study of Tatars.

Keywords: anthropology, ethnography, Tatars, Finno-Ugric peoples, Kazan university, Society of archeology, history and ethnography, Society of naturalists, Volga-Ural region, race, zemstvo, physicians.